

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ С МЕТОДОЛОГИЧЕСКИМИ ИЛЛЮЗИЯМИ

В.Е. Клочко (Томск)

Аннотация. Рассматривается проблема «парадигмального сдвига», являющегося одной из важнейших характеристик современной научной психологии. Объективация сущности происходящего сдвига требует осознания методологических установок, от которых отказывается наука, а также тех, которые идут им на смену. Утверждается, что предполагаемая трансформация идет внутри самого фундаментального, базисного, мировоззренческого слоя, который обеспечивает профессиональное единство людей, занимающихся психологией. Это и является причиной возникновения психологического напряжения внутри научного сообщества, уже способного осознать иллюзорность некоторых исходных методологических посылок, но еще не успевшего принять новые методологические реалии в качестве парадигмальных (общепринятых) установок.

Ключевые слова: объективные тенденции развития науки, уровни теоретического мышления, парадигмальный сдвиг, методологические иллюзии.

В качестве одного из итогов прошедшего в 2003 г. в Санкт-Петербурге Всероссийского съезда психологов можно считать то, что он проявил назревшую «в широких психологических кругах» необходимость обсуждения методологических проблем нашей науки. Причем настолько выраженную потребность, что она вылилась в решение съезда посвятить обсуждению этих проблем следующий психологический форум.

В связи с этим можно отметить, что сравнительно недавно, а именно в 1997 г., журналом «Вопросы психологии» была предпринята попытка организовать обсуждение методологических проблем современной психологии, в преамбуле к которой утверждалось обратное, а именно, что «методологические проблемы психологии все меньше интересуют научную общественность». Как бы подтверждая это заключение, дискуссия быстро приобрела «вялотекущий» характер. Таким образом, можно констатировать явное противоречие, объективный характер которого наводит на мысль о том, что за прошедшие шесть лет в психологической науке произошли какие-то серьезные трансформации, которые и актуализировали интерес к методологии психологического познания.

Что здесьстораживает? Шесть лет для науки настолько малый срок, что вряд ли его можно считать достаточным для столь заметной трансформации профессиональной ментальности тысяч людей, работающих в психологии. Правда, опыт так называемых «развитых наук» показывает, что подобное возможно в периоды научных революций, когда накопившаяся масса противоречий, казавшихся неразрешимыми в пределах существующих объяснительных схем, снимается при переходе к новым объяснительным схемам. Тогда актуализируется интерес к методологии и возникают новые принципы, одинаково интересные как для тех, кто их формулирует и разрабатывает, так и для тех работников науки, которые уже не могут работать в старой парадигме, но еще не ассимилиро-

вали в полной мере новую. Наука всей массой своей поднимается на новый уровень системного видения изучаемой реальности, и выпадение из этого движения равносильно утрате профессионализма.

С другой стороны, если наша наука действительно вышла в особую стадию своего становления, которую некоторые психологи обозначают (вслед за Т. Куном) как стадию «парадигмального сдвига», то подлинную актуальность обретает проблема объективации того, от каких методологических установок мы отказываемся и какие грозят прийти им на смену. Замечу, что речь в данном случае идет не о частных методологических принципах, которые могут возникать и формироваться внутри актуальной парадигмы – той основополагающей идеи, которая является на сегодня «общепринятым образцом научной практики». Всё гораздо серьезнее, поскольку предполагаемая трансформация идет внутри самого фундаментального, базисного, мировоззренческого слоя, который до сих пор, худо или бедно, обеспечивает профессиональное единство людей, занимающихся психологией.

Постепенно все более привычными становятся утверждения о том, что современная психология «зашла в тупик», что это естественный результат методологического кризиса («перманентного» и «неизбывного»), который преследует науку едва ли ни с первого дня ее суверенного (от философии) существования, что вообще до сих пор «шли не так и не туда». Иллюзорность такого понимания «современного момента» не разоблачают даже явные нарушения логики, в соответствии с которой получается, например, что кризис, суть преамбулу научной революции, порождают... непрофессионалы, проникшие в науку тихой сапой, используя нашу «методологическую беспечность» [5]. Тут уже исключительность нашей науки проявляется очень выраженно. Представьте, что в физику вдруг пришли психологи, и наука в результате этого нашествия взорвалась новым пони-

манием системного устройства физической реальности, сменила вектор своего развития и т.д. Кризис ведь является вполне естественным периодом любого процесса развития, своего рода нормой развития, означающей смену его вектора, средств и т.д. [3].

С моей точки зрения, нет никакого перманентного кризиса научной психологии. Есть закономерное движение психологического познания, его подъем на все более высокие уровни системного видения психологической реальности, который этой иллюзией перманентного кризиса заслоняется, маскируется. И эта маскировка сегодня действительно мешает вскрытию внутренних тенденций развития науки и объективации того по-настоящему драматического взрыва, который ее ожидает, когда она сможет открыть систему, в которой, наконец, станут понятными функция, предназначение, миссия психики, сознания. Иллюзия перманентного кризиса мешает увидеть ту напряженную работу, которая непрерывно идет в науке, то планомерное «перерождение научной ткани» в ней, на которое указывал Л.С. Выготский.

В данной работе я хочу показать, что представление о «перманентном кризисе» психологии является не более чем устойчивым «методологическим мифом», иллюзорность которого можно объективировать. Для этого достаточно представить динамику психологического познания в ракурсе историко-системной транспективы – как особого взгляда на историко-психологический процесс. Проблема в том, что встать на позицию такого подхода достаточно сложно. Требуется если не принятие, то хотя бы некоторое согласие с возможностью другого взгляда на развитие науки, впрочем, как и на развитие (эволюцию) вообще. Парадигмы – матрицы корпоративного сознания. Они не только удерживают сообщество, создавая иллюзию принадлежности к некоему профессиональному единству, они являются источниками мифов – столь же устойчивых.

За понятием «кризис» скрывается не всегда осознаваемая учеными тревога, обусловленная переживанием ощущения, что на сложившееся у них понимание психического надвигается нечто такое, которое грозит уничтожить столь привычные (и «самоочевидно верные») парадигмальные установки. Реализации этой парадигмы было отдано столько сил, и вдруг вся профессиональная жизнь, оказывается, была посвящена не тому, и с таким трудом заработанное научное имя и признание может быть сметено этой волной, которую поднимают люди, не желающие считаться со столь самоочевидными вещами, на которых всегда неколебимо стояла «научная психология».

Другим же признанием кризиса перманентным просто выгодно, ибо, запугивая кризисом, можно эксплуатировать саму идею организации психологической практики, которая не опирается ни на какие теоретико-методологические основания. И когда выяснится, что и в прикладной психологии все равно надо что-то «прикладывать», то может быть уже поздно – созданы подразделения приклад-

ной психологии, противопоставляющие себя «академическим» институтам. И даже создана «теория прикладной психологии», хотя по-прежнему останется понятной мысль М. Мамардашвили о том, что есть наука и ее приложение, но не может быть «науки о приложении».

В любом случае, пока человек работает в науке, которая «лежит в руинах», зажатая в тисках «перманентного кризиса», он защищен от мук профессионального самоопределения. Чтобы по-настоящему профессионально самоопределиваться, необходимо: 1) войти в историческую транспективу науки; 2) определить объективные тенденции ее развития; 3) осознать свое место в этом движении; 4) оценить свое настоящее; 5) попытаться найти силы для того, чтобы подняться на те вершины мысли, которые уже освоили великие предшественники.

Именно поэтому нельзя быть высокомерным по отношению к прошлому. Сначала надо научиться его читать осмысленно, т.е. не снисходительно-покровительственно («Ну что они могли сделать, задавленные марксизмом?»), а в совершенно другой тональности – «Как же они много сделали, даже опираясь на марксизм!». И может быть, даже без слова «даже». До сих пор живую человеческую мысль не смогла остановить ни одна идеология, разве только физически убрав творца.

Парадигмальный сдвиг, следовательно, не есть что-то абстрактное, которое, может быть, и коснется кого-либо из исследователей, но не тебя лично. Если он реально происходит, то необходимо готовиться к трудному акту профессионального самоопределения (переопределения). Нет никаких гарантий, что «чаша сия» кого-либо минует, не затронув личных методологических позиций исследователей, корнями уходящих в те научные школы, которые сформировали ученого и обеспечили ему, кроме позитивного чувства принадлежности к сообществу единомышленников, еще и неосознаваемую установку под названием «концептуальная привязанность». Здесь уже все мы продемонстрируем и меру своей открытости в психологическую (и не только) культуру, и меру своей ригидности, которая обеспечивает устойчивость (может быть, гиперустойчивость) наших методологических предпочтений и теоретических пристрастий.

Однако в чем заключается то общепринятое методологическое основание, которое можно обозначить в качестве парадигмы нашей науки, от которой начинается свой отсчет парадигмальный сдвиг? Ведь многие ученые полагают, что психология является наукой либо принципиально непарадигмальной, либо допарадигмальной, т.е. она никогда не опиралась ни на какую методологическую идею, которая могла бы выполнить интегрирующую роль общепринятого образца научной практики. Отсюда берет начало методологическая иллюзия того, что именно нашей науке, в отличие от других, судьбой определено находиться в тисках «перманентного кризиса» или даже «схизиса». Эта иллюзия побеждает вполне здравую мысль о том, что наука, стоящая на месте, – это даже не наука (в признанном понимании ее как развивающейся системы

знаний и методов познания некоего фрагмента объективной реальности, составляющей ее предмет). В непарадигмальной науке невозможны «парадигмальные сдвиги». Естественно, в ней никогда не было и не будет никаких научных революций, приводящих к смене парадигм. А если нет революций, значит, нет и эволюции, периода «спокойного развития науки» (Т. Кун), в течение которого накапливаются противоречия, приводящие к научному взрыву.

Беда не в том, что ученый, занимающийся научной психологией, опирается на иллюзорное понимание статичности собственной науки. Беда в том, что благодаря подобным иллюзиям все более признаваемым и оправданным становится взгляд на психологию как особую науку, призванную представлять собой разрастающийся (в количественном, но не качественном плане) набор несопоставимых разномасштабных представлений, теорий, которые невозможно состыковать в пределах единой плоскости, на которую их пытаются проектировать, опираясь еще на одну иллюзию, утверждающую, что такая проекция может когда-либо привести к интеграции науки в системное целое. Кажется, что достаточно приложить еще немного методологических усилий, и будет найден принцип, позволяющий осуществить такую интеграцию. Хотя другим кажется, что потребуются создать наряду с общей психологией еще и специальную «теоретическую психологию», целью которой и будет интеграция категориального аппарата психологии в научную систему.

Миф о непарадигмальной (допарадигмальной) науке обрекает историю психологии на использование хронологического подхода как почти единственно приемлемого для нее. Фиксируется, в каком году, кем и после кого была предложена еще одна теория. Иногда используется метод контрастирующих пар, который порождение новой теории понимает как ответное, но противоположно направленное действие: если возникла теория сознания, значит, скоро последует теория о бессознательном, если возникла психологическая теория поведения, значит, скоро ей будет противопоставлена психологическая теория деятельности. Можно и сложнее. Например, представить, что гуманистическая психология выступила в качестве оппозиционной третьей силы (по отношению к бихевиоризму и фрейдизму).

И все-таки методологические иллюзии – это не порок, а необходимое условие движения психологического познания по пути все более адекватного описания и объяснения человеком самого себя. Несколько гиперрофируя, можно сказать, что истины вырастают из иллюзий. Ясно, что не каждый ученый с этим согласится – естественно считать свои методологические установки не иллюзорными, так же как далеко не иллюзорным кажется ученому знание, полученное на их основе. В своем негативном аспекте нечто становится методологической иллюзией только тогда, когда оно начинает отвлекать усилия исследователей на решение иллюзорных задач. Таких, как указанная выше задача на «плоско-

стную систематизацию» категорий или знаний. Я уже неоднократно писал и о других бесплодных попытках интеграции науки, и сейчас не стану ссылаться ни на источники, ни на авторов – все они проделали достойный уважения и признания труд, который все равно надо было проделать. Когда они поднимали и решали эти проблемы, последние вовсе не казались иллюзорными. Более того, если бы они не взяли тогда на себя этот труд, сегодня мы вряд ли бы осознали необходимость смены точки зрения на эволюцию психологического познания.

Итак, в качестве средств интеграции, которые уже были апробированы, можно указать следующие. «Системная эклектика» – сознательно допускаемая эклектичность, основанная на отборе «того лучшего», что есть в каждой теории. Попытка провалилась в связи с отсутствием критериальной базы для отбора «лучшего», т.е. отсутствия системообразующего фактора. Далее необходимо отметить попытку превратить психологию в научную систему, опираясь на единственный, но главный принцип (например, принцип отражения), который должен был, но так и не выступил в функции системообразующего фактора. Не увенчалась успехом попытка привести в систему все основные методологические принципы и на этой системной базе осуществить интеграцию психологических знаний – так и не был обнаружен фактор, который стал бы системообразующим по отношению к искомой системе принципов. Я не хочу повторяться – все другие попытки, а их можно выделить еще минимум пять, были обречены на провал в связи с невозможностью обнаружить системообразующий фактор.

Посему можно четко оформить дефиницию. Никакие манипуляции со знанием, спроектированным на одну плоскость, никакие манипуляции с принципами, на основе которых были получены эти знания, никакие попытки превратить категориальный аппарат науки в некий «категориальный строй» не могут обеспечить системность научного знания и науки как таковой. В статике ставшего нельзя обнаружить системообразующие факторы – там их просто нет. Ни внутри ставшего, ни по отношению к нему. И если смотреть на науку как на количественно умножающийся набор сосуществующих моноаспектных теорий, точек зрения, призм видения и т.д., то надо примириться с мыслью о невозможности их плоскостной интеграции, как и невозможности интеграции полученного с их помощью знания.

Представление о науке как открытой самоорганизующейся системе позволяет применить транспективный анализ, в котором многие явления, кажущиеся столь самоочевидными в ретроспективном анализе, нацеленном на систематизацию ставшего, выглядят несколько иначе, открываясь в динамике своего становления. Транспективный анализ способен схватить «процесс перерождения научной ткани» (Л.С. Выготский) или механизм «уплотнения знаний», каковое Гегель полагал в качестве закона развития науки. Любая наука начинает

со статики, с изучения ставшего, но затем переходит к изучению динамики, к процессу становления, выделяя точки роста и тенденции развития. Посему транспективный анализ можно применить:

- к онтогенезу как истории становления человека в качестве самоорганизующейся психологической системы;
- филогенезу (психоистории) как истории становления человечества, закономерного усложняющегося явления как с точки зрения энцефалогенеза, так и усложняющихся форм мышления, которыми оно пользуется для понимания как себя, так и своего места в синергии живой и всей остальной материи;
- истории психологии, открывая движение науки как закономерное, конституируемое и манифестируемое этапами становление, превращение в научную систему, детерминированное все более системным определением предмета науки.

Относительно последнего необходимо заметить, что если предмет науки определен сугубо эмпирически, если он не представлен в виде «живой», открытой, реально функционирующей и самоорганизующейся системы, то знания о таком бессистемном предмете принципиально не могут быть интегрированы в теоретическую систему, каковой, как представляется, и должна быть наука.

Дело в том, что системообразующие факторы (параметры порядка) наука производит сама. Их можно открыть, но нельзя придумать; они не могут выступить в виде разработанного кем-то методологического приема, подхода и т.д. Более того, наука – как самоорганизующаяся система – в наших попытках интеграции не очень-то и заинтересована. Наука нуждается в наличии достаточного разнообразия методологических принципов, теорий и призм видения. Из этого веера мнений и точек зрения рождаются устойчивые тенденции ее развития.

Можно сформулировать еще более жестко. Именно конечность, ограниченность, временность бытия любых концепций (какими бы надежными, всеобъемлющими и вечными они не казались) является тем, что обеспечивает направленное движение науки, каковое и проявляется в виде объективных тенденций ее развития.

Психологи пока плохо владеют представлением о том, что кроме скалярных (никуда не направленных величин) и векторов (направленных величин), существуют еще и градиенты – направления в поле скалярных величин. Объективные тенденции развития науки можно понять как градиенты, которые возникают в научном психологическом сообществе, в котором каждый ученый делает важнейшее дело своей жизни так, как понимает, как решил для себя проблему смысла своей профессиональной жизни. Он может вообще никак не оценивать свое место в общем движении психологического познания. Однако в каждом ученом (и независимо от него самого) реализует себя объективная тенденция развития науки. Не без его участия возникающая, но представляющая собой результат совместной деятельности всех тружеников науки, а потому и получившая право, кото-

рое так выразительно отметил Л.С. Выготский, – стоять «за спиной» исследователя и «определять его ум и волю с силой стальной пружины».

Чтобы понять вышесказанное, необходимо выйти из статики ставшего в динамику становящегося. Для этого надо хотя бы признать, что наука наша все-таки парадигмальна, что в ней происходят парадигмальные сдвиги, что предмет науки и есть то, что обеспечивает уровень системности науки, т.е. выступает в качестве системообразующего фактора по отношению к понятиям и категориям, которыми пользуется наука. Наконец, что все это и обеспечивает эволюцию науки как процесса закономерного усложнения ее системной организации.

Что касается наличия или отсутствия парадигмальной установки, показателем которой является ее общепризнанность, то такая установка есть. Здесь придется согласиться с А.Ю. Агафоновым в том, что факт признания отражения в качестве ведущей функции психики «практически во всех современных школах психологии принимается безоговорочно» [1]. Откуда возникает такая «безоговорочность»? Фундаментом ее как раз и является самоочевидность разделенности мира на субъективную и объективную реальности, столь доступная рассудку. Разум же (теоретическое мышление) нам пока слабо помогает в преодолении этой дуальности. Парадигма навязывает неправильную постановку вопроса, но нам легче искать ответ на иллюзорный вопрос, чем отказаться от парадигмы, порождающей иллюзии. С.Л. Рубинштейн указывал на то, что мы не в силах ответить на вопрос о том, как, отражая мир в виде образов, человек видит при этом не образы, а предметы и видит их там, где они есть, – в реальном пространстве и времени. Как же мы, профессионалы, объясняем все это студентам? А никак не объясняем – мы научились уходить не только от ответов, но и от самих подобных вопросов. «Как сто лет тому назад, так и сегодня, – указывает А.В. Сурмава, – не существует сколь угодно удовлетворительного ответа на предельно простой вопрос: *как возможна психика...* как образ предмета *вне* головы, в реальной действительности, притом не как мертвенно холодное зеркальное отражение, но отражение живое, и, наконец, к тому же не тупо копирующее оригинал, но ухватывающее и концентрирующее в себе его всеобщую потаенную природу, его суть?.. задаваться таким вопросом стало признаком дурного тона. Мы лишь вскользь упоминаем о подобных сюжетах во вводных лекциях для студентов-первокурсников с тем, чтобы впредь уже окончательно вытеснить их прочь из научного сознания. (Чур меня! Чур...)» [4, с. 72]

Парадокс заключается не в том, что философская (гносеологическая) традиция продолжает владеть умами представителей конкретной науки: есть объективная реальность, воздействующая на органы чувств, выступающая в качестве внешней причины, есть субъектив-

ная реальность, возникающая как следствие отражения объективной реальности. Парадокс в том, что этот достаточно простой, но сильный своей самоочевидностью взгляд на две реальности и их причинно-следственные связи даже не поднимается до уровня философской постановки проблемы. Гегель писал об этом еще в 1817 г.: «Множество иного рода форм, которыми пользуется интеллигенция, – что она извне получает *впечатления* и *принимает* их в себя, что представления возникают вследствие *воздействия* внешних вещей как причин и т.д., – относится к той стадии развития категорий, которая не является точкой зрения духа и философского рассмотрения» (курсив Гегеля, подчеркнуто мною. – В.К. [2, с. 239]). Но это означает, что, увы, мы и сегодня еще не вышли на уровень не только конкретно-научного, но даже философского рассмотрения проблемы.

Движение психологического познания блокируется несколькими глобальными иллюзиями, которые давно уже сплелись с вполне здоровыми идеями и стали практически неузнаваемыми в своей иллюзорности. Да и как их можно опознать, если эти иллюзии локализовались не где-нибудь «на периферии», а составили содержание той «призмы видения», через которую психологи фиксируют, изучают и объясняют ту самую «психологическую реальность», которая и составляет предмет психологического познания. Именно поэтому, замечая парадоксальность своих построений, ученый склонен оценивать эту парадоксальность как качество или свойство, присущее самой психологической реальности.

Если бы можно было сразу взлететь к вершинам, не проходя ряд этапов, не впадая при этом в добросовестные заблуждения, сопровождающие поиск пути к истине, но есть проблемы, до которых нельзя долететь, а надо прийти, хромя, и что в этих случаях не грех хромать, как откровенно говорит Фрейд. Но кто увидит в этом только хромоту, тот методологически слеп.

Говоря об иллюзорности некоторых методологических построений, необходимо иметь в виду, что исследователь, указывающий на нее, должен предложить какую-то другую методологию, которая, при любых отличиях новых методологических построений от старых, обвиняемых в иллюзорности, может быть оценена как менее иллюзорная, а значит, и более реалистичная. По этому поводу Л.С. Выготский заметил, что судить Фрейда в свете принципов, добытых у Фрейда же, – значит заранее оправдать его. Чтобы критически отнестись к чужой системе, надо прежде всего иметь собственную психологическую систему принципов.

С моей точки зрения, сегодня наука пытается ставить и решать не проблему отношения психического к бытию (объекту), но проблему гораздо более глобальную. Это проблема места и роли психического во взаимоотношениях человека со всем остальным, что находится за пределами его личных человеческих границ и границ человечества (ноосферы). Того, что столь трудно поддается определению, а потому закрепляется с помощью таких понятий, как «среда», «окружение», «объективная реальность», «объективная действительность», «космический универсум», «вещь в себе» и т.д. Моя позиция: психика (сознание) представляет собой не что иное, как самый мощный, самый изоциренный, самый сложный из известных нам механизмов избирательности, превращающий «мир в себе» в «мир для нас» – многомерный мир человека, в котором можно действовать, понимая смысл и ценность своих действий, следовательно, отвечая за содеянное. Психическое участвует в порождении мира, который единственно может выступить для человека в качестве реальности и действительности, как ни трудно при этом принять мысль, что реальность (чувство реальности) порождается системой, а не является характеристикой мира, существующего «вне и независимо от человека» (объективная реальность).

Литература

1. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. М.: Бахрах, 2000. 334 с.
2. Гегель Г. Сочинения. Т. 3. М., 1956.
3. Зинченко В.П. Исторический или психологический кризис? // Вопросы психологии. 2004. № 3.
4. Сурмава А.В. Психологический смысл исторического кризиса (опыт исторического психоанализа) // Вопросы психологии. 2004. № 3.
5. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 112–125.

MODERN PSYCHOLOGY: DIFFICULT PARTING WITH METHODOLOGICAL ILLUSIONS
V.E. Klochko (Tomsk)

Summary. The problem of «paradigm shift» as one of the most important characteristics of modern scientific psychology is studied in the article. Objectivation of the main point in this shift requires realization of methodological aims which are rejected by science and those which replace them. It is affirmed that supposed transformation goes in the most fundamental, basic, world outlook layer which ensures professional unity of the people working with psychology. It is the very reason of the psychological strain in scientific community which is able to realize illlusiveness of some starting methodological premises, but this community has not had time to assume new methodological conditions as paradigm (generally accepted) aims.

Key words: objective tendencies in science development, levels of theoretical thinking, paradigm shift, methodological illusions.